

ПРАВОВОЙ СТАТУС РАННЕСРЕДНЕВЕКОВОЙ ЖЕНЩИНЫ В ЗЕРКАЛЕ АНГЛОСАКСОНСКОГО ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА КОНЦА IX – СЕРЕДИНЫ XI ВЕКА

И. И. Болдырева

Воронежская государственная медицинская академия

Поступила в редакцию 6 июня 2011 г.

Аннотация: в статье рассматривается правовой статус англосаксонской женщины конца IX – середины XI в. На материале законодательных источников указанного периода автор выявляет его динамику и основные черты, отмечая их сложность и противоречивость.

Ключевые слова: средневековые женщины, средневековое право, англосаксонские законодательные кодексы, правовой статус женщины.

Abstract: the article is devoted to the historical analysis of Old English woman's legal position. Considering the evidence of Anglo-Saxon law codes of the late IX – early XI centuries the author reveals its dynamics and main features, pointing out their complexity and contradictions.

Key words: medieval women, medieval law, Anglo-Saxon law codes, woman's legal position.

С конца IX – середины XI в. англосаксонскими правителями был составлен целый ряд законодательных кодексов. Из них один приходится на царствование Альфреда Великого, два принадлежат Эдуарду Старшему. В разное время по несколько юридических сборников издают короли Этельстан, Эдмунд, Эдгар, Этельред и Кнут. Как правило, женщина фигурирует в универсальных правовых сборниках, где регламентируются отношения между различными слоями общества, содержится подробный список преступлений и соответствующих взысканий. Кодексы, составленные по какому-то конкретному поводу с более узкой целью, могли вообще не упоминать представительниц слабого пола.

Из всех вышеперечисленных правителей Англии наибольшее внимание женщинам уделено в законодательствах Альфреда (871–899) и Кнута (1016–1035), годы правления которых разделяет временной отрезок сроком более чем в сто лет. Принято считать, что законодательство Альфреда приходится на последнее десятилетие его жизни и появилось в 90-е гг. IX в. Второй кодекс Кнута, представляющий для нас наибольший интерес из всего корпуса его законов, был составлен в период с 1020 по 1023 г.

В англосаксонском праве женщины фигурируют в небольшом числе статей, которые, за некоторыми оговорками, можно подразделить на две категории. В первой речь идет о порядке заключения брака, имущественном положении вдовы или будущей супруги, во второй – о преступлениях сексуального ха-

рактера. Такая особенность присуща не только позднему, но и англосаксонскому законодательству в целом. Часто представительница прекрасного пола здесь именуется женой (*wif*), вдовой (*wuduwe*, *wudewe*), монахиней (*nunnan*, *cirliscre faemnan*) или девой (*maeden*), что является довольно выразительным штрихом к восприятию ее правового статуса обществом. Видимо, в глазах общества этот статус был теснейшим образом связан с ее семейным положением. Применительно к представителям сильного пола такой закономерности источники не обнаруживают.

Правовой статус женщины был достаточно сложен. С одной стороны, на протяжении всей жизни ее вергельд оставался неизменным и зависел от принадлежности к определенному сословию по рождению. С другой стороны, штрафы за преступления, совершенные в отношении женщины, нередко взимались в пользу мужчины, с которым ее ассоциировали, а их размеры зависели от его общественного положения. Защита интересов монахинь считалась прерогативой епископа и короля. Покровителем замужней женщины в англосаксонских законах иногда выступал ее супруг. Так, в кодексе Альфреда изнасилование чужой жены недвусмысленно воспринималось как оскорбление ее мужа. Сумма компенсации могла быть различной (от 40 до 120 шиллингов) и вычислялась в зависимости от его вергельда: «*Gif mon haeme mid twelfhyndes monnes wife, hundtwelftig scillinga gebete ðam were; syxhyndum men hundteonig scillinga gebete; cierliscummen feowetig scillinga gebete*» [1, Aelfred, 10].

Иначе вычислялась компенсация, если женщина в браке не состояла. В законах Альфреда детально перечислены преступления против чести незамужних девушек. Каждое из подобных правонарушений предусматривало соответствующий штраф, размеры которого увеличивались в зависимости от родовитости потерпевшей и определялись ее собственным вергельдом [1, *Aelfred*, 11–11.5]. Весьма сомнительно, чтобы сама девушка получала эти деньги. Вероятнее всего, они доставались родственникам, которые несли ответственность за ее благополучие и были в нем заинтересованы.

В раннее Средневековье перечень преступлений, жертвой которых могла стать представительница прекрасного пола, убийством и оскорблением, скорее всего, не ограничивался. Англосаксонские юридические сборники упоминают разбой, воровство, лжесвидетельство. Однако местоимения, фигурирующие в тексте законов, нередко можно отнести к представителям обоих полов, что вносит в понимание памятника некоторую неопределенность. Более того, специфика раннесредневекового законодательства такова, что целый ряд вопросов, связанных с правовым статусом женщины, остается открытым. Англосаксонские кодексы не всегда позволяют выявить, кому именно полагалась компенсация, варьировались ли меры взыскания в зависимости от пола правонарушителя и пострадавшего и т.д. Очевидно лишь то, что эти вопросы не имели для кодификаторов принципиального значения.

Вместе с тем характерной чертой позднеанглосаксонского законодательства является особое внимание к таким категориям населения, как монахини, девы и вдовы. Например, за оскорбление монахинь кодекс Альфреда предписывает двойной штраф по сравнению с аналогичными преступлениями против мирян [1, *Aelfred*, 18]. Видимо, такая норма была продиктована повышенной защитой представителей духовного сословия со стороны государства [1, VI *Aethelred*, 26, 33, 45] равно как и особым статусом «Христовой невесты».

Важным аргументом в пользу значительного увеличения штрафа становились не только принятые женщиной религиозные обеты, но и положение вдовы или девственности. Согласно кодексу Этельреда, обидчик монахинь и вдов должен был «ответить сполна перед Богом и обществом» (*gebete youet deope for Gode and for worolde*) [1, VI *Aethelred*, 39]. Что конкретно означала эта фраза – не вполне понятно. Возможно, имелась в виду та же норма, что и в 52-м титуле второго кодекса Кнута, предусматривавшая за изнасилование вдовы или девы выплату их полного вергельда [1, II *Cnute*, 52, 52.1].

Вдовы представляют собой группу населения, которая сравнительно часто фигурирует в англосак-

сонских правовых сборниках. Логично предположить, что в раннесредневековом обществе, где кровопролитные войны стали явлением обыденным, раннее вдовство встречалось нередко, и, как следствие, эта социальная категория была достаточно многочисленна. Причины повышенного к ней внимания законодателей были комплексными и заключались, во-первых, в необходимости определения социально-экономического статуса таких женщин и, во-вторых, в необходимости защиты их интересов, которые часто ущемлялись. В позднеанглосаксонском обществе, в отличие от предшествующих столетий, зависимость вдовы от ее родственников ослабла. Законодательство Этельреда гарантировало ей покровительство короля и даже некоторые налоговые льготы [1, II *Aethelred*, 21; V *Aethelred*, 21]. Часто имела место материальная заинтересованность родственников снова выдать женщину замуж или постричь в монахини без учета ее желаний. Титулы королевских судейников начала XI в., не поощрявшие подобную практику, свидетельствуют о понимании государством данной проблемы и стремлении ее разрешить [1, II *Cnute*, 73.2, 74]. Запрет принудительных браков вдов и девиц, а также их поспешного пострига, с одной стороны, можно связать с ростом самостоятельности женщины и повышением ее правового статуса. С другой стороны, сам факт появления подобной статьи довольно убедительно свидетельствует о широком распространении пресекавшейся ею практики, тем более что в нормандском законодательстве аналогичные статьи не исчезают [1, p. 521–523].

В историографии существует мнение, согласно которому рост самостоятельности женщин, нашедший отражение в законодательстве поздних англосаксов, мог быть обусловлен влиянием церкви. Как отмечает Э. Клинк, право девушки на определение своего дальнейшего жизненного пути, связанного с уходом в монастырь или замужеством, признавалось еще в «Пенитенциалиях Теодора Тарского» (конец VII в.) [2, p. 111]. Мы считаем, что это мнение не лишено основания, поскольку оно находит подтверждение в исторических реалиях рассматриваемого периода. В 60-е гг. X в. в Англии была начата церковная реформа, в числе важнейших задач которой было возрождение монашеского благочестия и celibата клира, что отчасти предопределило отношение реформаторов к браку. Важной особенностью реформы стала поддержка, оказанная ей королевской властью, а идеологи монашеского Возрождения пользовались большим влиянием при дворе. Видные бенедиктинские проповедники, в том числе аббат Элфрик, подчеркивали духовное превосходство иночества и вдовства над законным христианским супружеством, усматривая в последнем лишь вынужденную необходимость [3, p. 338]. Интересно, что в английской

агиографии X в. именно святые жены демонстрируют наиболее яркие примеры чистоты и целомудрия – добродетелей, занимавших исключительно важное место в риторике бенедиктинской реформы [4].

Вполне вероятно, что особое отношение позднесаксонской церкви к благочестивой христианке оказало влияние на законодательство раннесредневековой Англии. Некоторые зарубежные историки признают участие известного проповедника архиепископа Йорка Вульфстана в кодификационной деятельности королей Этельреда и Кнута, указывая прямые параллели между его высказываниями и содержанием целого ряда титлов [5, 6]. В своей знаменитой «Проповеди Волка к англам» принуждение вдов к нежеланному браку, их бедность и «великое унижение» архиепископ Вульфстан порицал как один из тяжких пороков современников [7, р. 856]. Вместе с тем государство обещало покровительство этой социальной категории с определенными оговорками. Согласно законодательству Этельреда, вдова должна была жить праведно (*And si ælc wuduwe, ðe hi silfe mid rihte healde, on Godes gride and on ðæs cynges*) [1, V *Aethelred*, 21].

В течение года после смерти мужа женщине не следовало связывать себя новыми брачными узами, но по прошествии этого периода она могла поступать согласно своей воле (*þæt heo sylf wylle*) [1, V *Aethelred*, 21.1]. Во втором кодексе Кнута эта норма повторялась [1, II *Cnute*, 73] с последующим разъяснением мер, которые могли последовать в случае несоблюдения данного постановления: «Но, если она [вдова] выберет себе супруга в течение этого года, она теряет свой утренний дар и все имущество, которое приобрела, живя с прежним мужем, а ближайшие родственники получают земли и имущество, которым она владела ранее» (*And gif heo binnan geares fæce wer geceose, þonne þolige heo þære morgengyfe and ealra þæra æhta, þe heo þurh ærran wer hæfde; and fon þa nehstan frynd to ðam landan and to þan æhtan, þe heo ær hæfde*) [1, II *Cnute*, 73a]. Столь суровая мера оставалась действительной, даже если женщина вступала в повторный брак не по собственной воле, за исключением тех случаев, когда она покидала нового мужа и возвращалась домой, так что «никогда в дальнейшем ему не будет принадлежать» (*næfre heo eft his ne weorp*) [1, II *Cnute*, 73.2].

В определенной степени эта норма свидетельствовала о признании ответственности женщины за свою судьбу и безопасность, а косвенно – за некоторые совершавшиеся против нее преступления. Похожая тенденция в англосаксонском праве обнаруживается уже в конце IX в. Например, согласно суднику Альфреда, размеры штрафа за изнасилование крестьянки, обвиненной в том, что это было не впервые, сокращался вдвое (с 60 до 30 шиллингов) [1,

Aelfred, 11.4]. Таким образом, законы англосаксов свидетельствуют, что в раннее Средневековье правовой статус женщины мог зависеть от ее готовности соблюдать морально-нравственные нормы, предписанные обществом, ее образа жизни и, как следствие, от ее репутации.

Для изучения обозначенной проблематики законодательные статьи, в которых фигурируют вдовы и невесты, очень информативны с точки зрения еще одного важного аспекта. Они предоставляют ценную информацию об экономическом положении женщины, которое отчасти уже было нами затронуто. Судя по законодательным кодексам более ранних столетий, владельческие права англосаксонской женщины распространялись на «имущество» (*feoh, sceat*), которое землю не подразумевало, и «утренний дар» (*morgengifu*). «Утренний дар» был связан с обычаем даров невесте, который существовал у германцев еще со времен Тацита. Он упоминается во многих варварских правдах. Наутро после свадьбы жених был обязан преподнести невесте подарок, который мог доходить до четверти его состояния [8, с. 36–37]. У англосаксов об «утреннем даре» впервые говорится в 81-й статье судебного кодекса короля Этельберта (начало VII в.). В рассматриваемый период этот древний обычай сохранился [1, II *Cnute*, 73a]. Помимо «утреннего дара» и личного имущества замужняя женщина могла рассчитывать на долю наследства мужа в случае его смерти. Согласно законам Кнута, после смерти супруга вся его собственность подлежала разделу между женой, детьми и ближайшими родственниками [1, II *Cnute*, 70, 70.1]. В позднесаксонском обществе имущественные права женщины не ставились в строгую зависимость от наличия у нее детей, как это было, например, в Кенте VII в., где бездетная вдова лишалась не только прав на часть наследства мужа, но и теряла свое личное имущество и утренний дар в пользу ближайших родственников [1, *Aethelbert*, 78–81].

Весьма значимым является упоминание в законодательстве Кнута земель, владельцем которых выступала женщина [1, II *Cnute*, 73a]. Уже этот факт дает основание утверждать, что к концу англосаксонской эпохи за представительницами слабого пола признавалось право на владение земельным имуществом. Завещания и записи судебных тяжб подтверждают данные законодательства и позволяют обнаружить это право еще в IX в.

Англосаксонские юридические сборники предшествовавших столетий не зафиксировали это право, но вместе с тем не содержат запретов на наследование женщиной недвижимого имущества. В зарубежной историографии присутствует мнение, согласно которому еще до IX в. включать земельные владения мог «утренний дар» [9, р. 9]. К. Ф. Савело ставила под

сомнение такую вероятность [10, с. 71–72]. На наш взгляд, все обстояло несколько сложнее. Законодательные свидетельства, подтверждающие возможность вхождения в «утренний дар» земли в ранний англосаксонский период, действительно, не обнаружены. Еще при Альфреде Великом в качестве компенсации за разрыв помолвки женщина отдавала поручителю деньги, скот или вещи, но не землю [1, *Aelfred*, 18.1]. Более поздние повествовательные источники предоставляют, на первый взгляд, противоречащую информацию. Так, известно, что мать св. Милдред Дама Эафе (VII в.) приобрела значительные земельные угодья на острове Танет от кентского короля в качестве вергельда [11, с. 74, 84]. Однако речь здесь идет об особах королевской крови. Вряд ли эти данные при отсутствии соответствующих правовых свидетельств можно уверенно использовать для каких-то обобщающих выводов.

Для сравнения отметим, что первоначальная редакция Салической правды допускала переход земельного наследства лишь по мужской линии. Только эдикт короля Хильперика (561 – 584) скорректировал эту норму, разрешив наследовать землю дочерям (при отсутствии наследников-сыновою) и сестрам (при отсутствии детей и братьев). Аналогичная норма существовала в Бургундской, Алеманнской, Рипуанской и Баварской правдах [8, с. 37]. Вероятно, что и у англосаксов имущественный статус женщины менялся постепенно. В англосаксонском законодательстве никогда специально не оговаривают наследственных прав женщины. Однако грамоты, в том числе завещания и записи судебных тяжб, лишь подтверждают, что уже в X в. знатные англосаксонские дамы могли владеть и распоряжаться земельной собственностью по своему усмотрению.

Для исследуемого вопроса интересен еще один юридический памятник – «О замужестве женщины» («*Be wifmannes beweddunge*»), сохранившийся в трех манускриптах [1, р. 442–445]. Памятник анонимный и не содержит конкретных дат. Его приблизительные хронологические рамки – 975–1060 гг. Автор этого документа довольно подробно излагает надлежащий ход событий, связанных с помолвкой и заключением брачного договора, определяет экономическое и правовое положение женщины после свадьбы.

Текст источника демонстрирует, что брак у англосаксов рассматривался в том числе как деловая сделка, в которой были заинтересованы обе стороны. Согласно источнику, мужчина, претендующий на руку женщины, будь то девушка или вдова, мог рассчитывать на взаимность лишь в том случае, если ни родственники предполагаемой невесты, ни сама женщина не противились этому браку [1, р. 442]. Здесь, как и в королевских законах поздних англосаксов, содержится идея доброго волеизъявления невесты при

вступлении в брак. В присутствии своих представителей и представителей невесты претендент подтверждал намерение жениться, а также то, что будет чтить жену как подобает в соответствии с Божьим законом (*ðe he hy æfter Godes rihte healdan wille, swa wær his wif sceal*) [1, р. 442]. Затем мужчина выплачивал «вознаграждение» (*þæt fosterlean*) родственникам будущей жены и преподносил невесте подарок [1, р. 442].

Отметим, что в англосаксонских афоризмах и в более раннем законодательстве вместо выплаты вознаграждения фигурирует идея покупки невесты: «Конунг за плату купит королеву...» (*Cyning sceal mid ceape cwene gebicgan...*) [12]; «Если мужчина купит деву, сделка состоится, если здесь нет обмана...» (*Gif mon mægþ gebigeð, ceapi geceapod sy, gif hit unfaerne is...*) [1, *Aethelbert*, 77]; «Если мужчина покупает жену, а свадьба не состоялась, деньги возвращаются...» (*Gif mon wif gebyccge, and sio gyft forð ne cume, agife yæet feoh...*) [1, *Ine*, 31].

Контекст, в котором эта идея здесь появляется, кажется вполне определенным. Тем не менее, одна из точек зрения, присутствующих в историографии, такова, что глагол *gebycgan* (*gebicgan*), фигурирующий в данных статьях, по своей семантике отличается от глагола *bycgan* (*покупать*) и означает «добиваться сильно желаемого объекта». Следовательно, несмотря на вовлечение в брачный договор денег и имущества, в приведенных законодательных статьях «нет ничего, позволяющего предположить, что данный процесс имел место без согласия женщины» [13, р. 94]. Это мнение заслуживает комментария. На наш взгляд, вне зависимости от понимания англосаксами значения глагола *gebycgan* (*gebicgan*), показателен уже сам факт исчезновения данной формулировки из более позднего англосаксонского права, а главное, появление титулов, запрещающих принудительные браки, в том числе продажу невесты (*ne wið sceatte ne sylle*) [1, II *Cnute*, 74]. Санкционированные или не санкционированные более ранним законодательством, подобные браки на практике были широко распространены в позднем англосаксонском и нормандском обществах.

Далее в «*Be wifmannes beweddunge*» утверждалось, что женщина, пережившая супруга, вправе рассчитывать на половину его имущества, а при наличии детей – на все имущество. Правда, условием был запрет на повторное вступление в брак [1, р. 442].

Согласно тому же документу, если муж увозил жену в другую часть страны, ее родственники продолжали выступать гарантом ее безопасности и отчасти разделяли ответственность за ее правонарушение [1, р. 442]. Следовательно, наметившаяся тенденция роста самостоятельности позднесаксонской

женщины не обязательно нарушала тесные контакты, которые она продолжала сохранять со своим родом даже после замужества.

Как видно из «*Be wifmannes beweddunge*», на помощь родственников женщина могла рассчитывать не только в вопросах собственной безопасности, но также будучи правонарушительницей, которая не располагала средствами, чтобы выплатить компенсацию. В каких преступлениях англосаксонская женщина фигурировала как ответчица и соучастница? В законах этот список сравнительно невелик и включает воровство, проституцию, инцест, колдовство и прелюбодеяние. Суровым наказаниям подвергались и мужчины, и женщины за кражу у своих господ [1, IV *Aethelstan*, 6]. По законам Кнута, жена вора несла наказание лишь в том случае, если украденные вещи были обнаружены в помещениях, от которых она хранила ключи, т.е. в кладовой или в сундуках. Здесь же разъяснялось, что женщина не имела права запретить супругу приносить в дом, что он хотел [1, II *Cnute*, 76]. Эту норму интересно сравнить с очень похожей статьей 57 законов уэссекского короля Инне, жившего более трех столетий ранее (конец VII в.). Инне оправдывал жену человека, приведшего в дом украденный скот, так как женщина была «обязана повиноваться своему господину» (*hio sceal hire ealdore hieran*) [1, *Ine*, 57]. В отличие от своих соотечественниц VII в., позднесаксонские женщины имели в доме супруга подконтрольную им территорию, очевидно, хозяйственного характера, за содержание которой несли ответственность. Рассматриваемая статья судебного Кнута проливает свет на еще одну важную функцию женщины как домохозяйки. Вместе с тем она является одним из свидетельств того, что в рассматриваемый период мужчина продолжал оставаться господином для своей жены и замужняя женщина не была равноправной хозяйкой в доме.

Королевские кодексы предусматривали строгое наказание для ведьм (*wiccan*), публичных женщин (*horcwenan*), уравнивая их с чародеями (*seincraeftcan*) и лжесвидетелями (*mansworan*) и угрожая изгнанием или смертной казнью [1, *Aelfred. Prol.*, 30; VI *Aethelred*, 7]. Не менее резко осуждались кровосмешение и внебрачные связи [1, *Aelfred*, 42.7; II *Cnut*, 50, 50.1, 51, 51.1, 54, 54.1]. Обрученные девушки, изменившие жениху, были обязаны компенсировать этот проступок поручителю в зависимости от своей сословной принадлежности. Чем высокороднее была невеста, тем большая сумма полагалась к уплате [1, *Aelfred*, 18, 1–3].

Характерно, что нигде в англосаксонских законодательных кодексах не приводятся размеры штрафов за супружескую измену мужу. Вероятно, в данном случае мера, предписанная Кнутом в его втором кодексе, на протяжении столетий оставалась традици-

онной до ее закрепления королевским законодательством. В частности, провинившаяся подвергалась публичному порицанию и обезображиванию, а «пострадавший» супруг забирал все ранее принадлежавшее ей имущество [1, II *Cnute*, 53]. К. Ф. Савело связывала ужесточение брачного законодательства в поздний англосаксонский период с растущим влиянием христианской церкви [10, с. 137]. Насколько справедливо это мнение? Заметим, что косвенным доказательством присутствия данной нормы в предшествующие столетия является ее широкое распространение в обычном праве других традиционных обществ. В примечании к своему изданию англосаксонских законов Ф. Либерманн приводит континентальные и скандинавские параллели и высказывает предположение, что обезображивание было смягчением более суровой нормы, практиковавшейся в древности, которой выступала смертная казнь [1, *Vd III*, р. 365]. Следует признать, что в таком случае предполагаемое влияние церкви ограничивалось фактом письменной фиксации нормы, уже хорошо известной и практиковавшейся ранее. Примечательно, что в тех же законах Кнута наказание неверного супруга ограничивалось компенсацией или епитимьей, что никак не может считаться эквивалентным [1, II *Cnut*, 54, 54.1].

Еще одним серьезным и, судя по всему, широко распространенным проступком из области семейного права в изучаемый период было содержание конкубин. Запрет подобной практики, присутствующий в законах Кнута [1, II *Cnut*, 54.1, 55], находит отражение уже в кодексе кентского короля Уитреда (~ 695 г.) [1, *Wihfred*, 3–5]. Законы, о которых идет речь, всегда возлагают ответственность на сильный пол. Но нет сомнения, что женщины, вступавшие в такие союзы добровольно, не вызывали в обществе сочувствия и автоматически понижали свой экономический и юридический статус, не имея прав на имущество сожителя и получая меньшую защиту в случае совершения против них ряда преступлений [1, *Aelfred*, 8–8.2; 11.3–4].

Таким образом, к концу периода раннего Средневековья правовой статус англосаксонской женщины сохранил свою сложность, что определялось целым рядом факторов, в том числе ее семейным положением, общественным положением супруга, происхождением, религиозными обетами, образом жизни. Параллельно обнаружились тенденции к росту ее самостоятельности и расширению имущественных прав. Однако эти тенденции не были лишены существенных противоречий.

Признавая исключительную ценность законодательного корпуса источников для изучения правового положения англосаксонской женщины, отметим, что эта категория исторических свидетельств отра-

жает лишь односторонний ракурс существовавшей практики. Во-первых, законодательство англосаксов, как и других средневековых народов, испытало на себе огромное влияние обычного права, и многие традиционные нормы, в том числе и те, которые имели непосредственное отношение к женщинам, оказались вне поля зрения кодификаторов. Во-вторых, следует учитывать объективные различия между буквой закона и существовавшей реальностью. В этом отношении весьма интересен актовый материал, работая с которым, исследователь сталкивается с живой юридической практикой, а вместе с тем с любопытными подробностями и деталями, отразившими статус женщины в раннесредневековом обществе.

ЛИТЕРАТУРА

1. Die Gesetze der Angelsachsen / Hrsg. F. Liebermann. – Halle, 1903. – Bd I.
2. *Klinck A.* Anglo-Saxon Women and the Law / A. Klinck // *Journal of Medieval History*. – 1982. – Vol. 8, № 2. – P. 111–117.
3. *Godfrey J.* The Church in Anglo-Saxon England / J. Godfrey. – Cambridge, 1962. – 529 p.
4. *Болдырева И. И.* Женщина в англосаксонской агиографии и церковная реформа в Англии второй половины X в. / И. И. Болдырева // *Вестник Воронеж. гос. ун-та. Сер.: История. Политология. Социология*. – 2006. – С. 5–14.
5. *Whitelock D.* Wulfstan and the Laws of Cnut / D. Whitelock // *English Historical Review*. – 1948. – Vol. 63. – P. 433–452.
6. *Whitelock D.* Wulfstan's Authership of Cnut's Laws / D. Whitelock // *English Historical Review*. – 1955. – Vol. 70. – P. 72–85.
7. *Wulfstan.* Sermo Lupi ad Anglos // *English Historical Documents* / ed. by D. Whitelock. – London, 1955. – Vol. 1. – P. 854–859.
8. *Рябова Т. Б.* Женщина в истории западноевропейского средневековья / Т. Б. Рябова. – Иваново, 1999. – 211 с.
9. *Stenton D. M.* The English Woman in History / D. M. Stenton. – London, 1957. – 363 p.
10. *Савело К. Ф.* Раннефеодальная Англия / К. Ф. Савело. – Л., 1977. – 144 с.
11. Житие св. Милдред // *Древнеанглийские святыя. Древнеанглийские проповеди и жития об англосаксонских святыя: Альбане, Этельтрут, Милдред, Неоте, Дрихтхельме и Чаде* / под ред. М. П. Омельницкого. – М., 1999. – 304 с.
12. *Maxims I* // *Anglo-Saxon Poetic Records* / ed. by G. P. Krapp, E. K. Dobbie. – New York, 1936. – Vol. 3: The Exeter Book – P. 156–163.
13. *Richards M. P.* Concepts of Anglo-Saxon Women in the Laws / M. P. Richards, B. J. Stanfield // *New Readings on Women in Old English Literature* / ed. by H. Damico, A. Hennessey Olsen. – Bloomington, 1990. – P. 89–99.

Воронежская государственная медицинская академия

Болдырева И. И., кандидат исторических наук, преподаватель кафедры иностранных языков
E-mail: boldyrevairi@mail.ru
Тел.: 8(473) 269-77-32

Voronezh State Medical Academy

Boldyрева I. I., Candidate of Historical Sciences, Lecturer of the Foreign Languages Department
E-mail: boldyrevairi@mail.ru
Tel.: 8(473) 269-77-32